

ЦИКЛОН НАД ТРАНСКЕЕМ

ПОВЕСТЬ

ЛЕВ БЕРИНГОВ

ЗВОНОК ДРУГУ

ИЗ ОКНА кабинета открывался безбрежный простор. Темно-синяя рябь океана переходила на горизонте в белесоватую гладь неба. Воздух был насыщен влагой. Только что прошел ливень.

Стол директора службы национальной безопасности Уганьи помещался у боковой стены, рядом с окном. Над столом, там, где когда-то на входящего устремляла свой взор британская королева, висело писанное маслом поясное изображение мужчины. Президент Уганьи даже на парадном портрете выглядел утомленным. Ему перевалило на седьмой десяток.

— Ранниг пришел в себя? — спросил Нкомо, глядя в окно. Узкая полоска розария перед пляжем адела цветами. Багровые лепестки, сбитые дождем, усыпали дорожку. Казалось, аккуратными кляксами разлили красные чернила.

— Нет, господин директор, — ответил Гвала. — Он все еще в беспомощности.

— Что показал осмотр трупа этой тайваньской красотки? — спросил Нкомо. Он потянулся, хрустнули кости. Белый мундир пестрел нашивками и галунами.

— Ничего особенного. Ее задушили.

— Послушай, Гвала! — возмутился директор. Его простецкое лицо пожилого крестьянина стало сосредоточенным. — Может быть, ты мне расскажешь немного поподробнее, а? Обещаю тебе, что никому не проболтаюсь, ладно?

Оба рассмеялись. Гвала, подпрыгнув, пригнулся на столе и, болтая ногами, как мальчишка, сказал:

— Дело серьезное, шеф, очень серьезное! Она переводчица тайваньского посла. Родилась здесь, в Ухурутауне. Дочь торговца парфюмерией. Окончила колледж. Два года назад посетила Тайбэй и Гонконг, потом вернулась домой. Год работала

в чанкайшистском посольстве. Весьма состоятельна, даже богата. Живет отдельно от родителей. Ни в чем не замешана. Убийца или убийцы ждали ее в гараже на вилле «Жемчужина». Удушение с переломом шейных позвонков. Она и пикнуть не успела. Никаких следов на месте убийства, профессиональная работа. Вот и все, что нам известно. Вы же знаете, какой у меня ничтожный штат!

— Время убийства установлено?

— Десять часов утра плюс-минус минут пятнадцать.

— Что сказали в посольстве?

Гвала пожал плечами.

— Тусклое дело, шеф, — пожаловался он устало. — И у нас никакого опыта. А тут еще этот взрыв! Хорошенькое гостеприимство оказываем мы повстанцам Зомбика!

— Да, — согласился Нкомо. — Никогда не было ничего подобного. Изложи, пожалуйста, все по порядку. Может быть, убийство Чэнь Чжи-юнь связано с гибелью Ундлаке.

Гвала слез со стола и заходил по комнате, мягко переваливаясь с пятки на носок, словно лесной охотник. В данный момент он и чувствовал себя охотником, идущим по следу крупного зверя.

— Разрешите по порядку, шеф? — спросил он.

— Да, конечно, — согласился Нкомо.

— Итак, Клаус Ранниг, гражданин ЮАР, инженер, представитель золотодобывающей фирмы «Голдберг индастри». Известный бизнесмен, немец по происхождению. Прибыл в Уганьи 6 января из Йоганнесбурга через Солсбери, остановился в гостинице «Ухурухилтон» и до утра следующего дня, никуда не выходил, видимо, отдыхал.

— Кто-нибудь его посещал в отеле?

— Трудно сказать.

— Звонил куда?

— Только в свое консульство. Наверное, сообщил о прибытии. На следующий день утром в

Продолжение. См. «Азия и Африка сегодня» № 2, 3, 5, 6 за 1970 год.

такси 45-91 отправился осматривать руины Мибабве. Вслед за ним выехала Чэнь Чжи-юнь на «Фиате», затем два сотрудника тайваньского посольства на отдельной машине. По свидетельству шофера такси, между тайванцами и Раннигом произошла драка. Белый одного тайванца оглушил, а другого ранил — отдалив дверцей автомашины пальцы. Разъехались порознь, сначала Чэнь Чжи-юнь, затем Ранниг. Спустя полчаса прибыла посольская машина. И прямо в больницу! — рассмеялся Гвала.

— Здорово он их отделал! — согласился Нкомо. Его широкие серые губы растянулись в улыбке.

Гвала неопределенно хмыкнул.

— Ему тоже воздали сторицей. Три пули в живот — это чего-нибудь да стоит, я думаю!

— А потом придушили девчонку? Тут что-то не так. А может быть, это она в него стреляла, тебе не приходило в голову?

— Чего ради, шеф? Он с ней спал. Это вряд ли возможно. В посольстве, конечно, наотрез все отрицают. Они даже не настаивают на розыске убийцы. Может быть, сами убрали? Странные люди. Очень запутанное дело. По-моему, надо подождать, пока Ранниг придет в себя. Будем надеяться, он окажется разговорчивей. Только подкиньте мне, шеф, пожалуйста, двух-трех людей для наружного наблюдения. Ведь техники-то совсем никакой!

И, получив согласие директора службы безопасности, Гвала вскочил, бесшумно засновал по кабинету. Ему не сиделось на месте. На минуту он остановился у окна, посмотрел вдаль. Между небом и океаном у самого горизонта повисло темное облако. Оно словно вбирало в себя морскую пучину, наливаясь дождем.

— Врачи утверждают, Ранниг не выживет, — говорил Гвала на ходу. — Или останется инвалидом на всю жизнь. Что-то важное ему перебили. А на вилле никаких следов! Когда бредил, газы все вспоминал.

— Газы? — удивился директор. — Странно.

Нкомо встал и, обняв Гвалу за плечи, проводил его к двери. В приемной за пишущей машинкой сидела толстая мулатка и полировала ногти.

— Джен, скажите, что меня нет, если кто спросит, хорошо? — попросил директор службы безопасности, закрывая за собой дверь.

Подойдя к столу, он задумчиво набрал телефонный номер.

— Капитана Саадалла! Ты, Крим? Приветствую. Нкомо. Дружбе, тебе не составит труда навестить меня? Нужна помощь. Ну и отлично, жду. До скорого!

Капитан Крим Саадалла, оптимист, весельчак, душа общества, поседел в пятнадцать лет. В начале 50-х годов в одной из стран Магриба, на его родине, охваченной освободительным восстанием, на глазах Саадалла отряд тайной армии колонизаторов (местных «ультра») сжег заживо его мать, двух меньших братьев и годовалую сестренку. Они все очень громко кричали. Крима оставили в живых, чтобы он своим рассказом приводил в ужас соплеменников. Только забавы ради проткнули щеку ножом.

Крим возненавидел колонизаторов лютой ненавистью. С годами это чувство выросло, стало осознанным обращением к любой форме наси-

лия над человеческой личностью. Восьмилетняя война, работа в разведке армии национального освобождения, помощь друзьям в независимой Африке. Завидный опыт в тридцать пять лет...

Высокий, светловолосый, чуть смугловатый, Крим был по внешности антиподом темнокожего, плотного Нкомо. Но мыслили они одинаково, и многое, очень многое прочно связывало их. А мужская дружба, говорят, не ржавеет даже в тропическом климате!

Синяя рябь океана загустела, белесоватые дорожки на воде исчезли. Набралась туча у горизонта, и в обе стороны от нее разбегались быстро темнеющие облачка. Слово вражий рати. Грозят войной. Давят. Нкомо тяжело вздохнул.

Положение и впрямь складывалось не из легких. Молодую республику лихорадило. За девять лет независимости произошли два государственных переворота. Сначала свергли ставленника колонизаторов, посаженного в президентское кресло штыками наемных стрелков. Монах-расстрига, одиозная фигура, марионетка: выдавал себя за аббата, заигрывал с Ватиканом. Под рясой носил парабеллум, главой охраны назначил гитлеровского военного преступника из банды Скорцени. Фашист в день переворота успел убежать куда-то в Аргентину, захватив с собой скудные остатки государственной казны. Хозяина же повесили на площади Освобождения вниз головой.

Чтобы пресечь трайболистскую анархию, которая началась после переворота, армии пришлось взять все в свои руки. Революционный совет, который возглавил сержант Савона, объявил себя законодательной и исполнительной властью. Он повернул руль государственного корабля круто влево. Все население республики, за исключением младших школьников, было объявлено членами новой Партии народного воссоединения. Мелкие торговцы и ремесленники, отнесенные к классу капиталистов, были обложены двойным налогом. Военные власти национализировали горнорудную компанию «Глоб индастри мин э фэр» и передали ее в руки революционной молодежи.

Полтора месяца в Уганьи царил праздничное настроение. По улицам Ухурутауна маршировали женские отряды самообороны, потрясая импортными автоматами. Однако со временем стало ясно, что новые методы руководства себя не оправдывают.

Левацкие авантюристы потерпели поражение. К власти пришли иные силы — объединение прогрессивных националистов, революционной интеллигенции и профсоюзов. В стране всерьез заговорили о социалистической ориентации, о борьбе за экономическую самостоятельность. Однако борьба еще не была окончена. В стране оставались прислужники колонизаторов — агенты Вашингтона, Претории, Лиссабона, Тайбэя...

— Чистый прирост населения Уганьи составляет три процента, — говорил в одной из речей новый лидер страны. — Следовательно, мы должны увеличивать валовой прирост национального продукта по крайней мере в три раза быстрее, чтобы хотя бы не топтаться на месте. Между тем мы и так отстаем от Англии на семьсот лет — я имею в виду доход на душу населения. Чтобы догнать англичан, скажем, в течение ближайших тридцати лет при вдвое большем приросте населения, мы должны увеличивать прирост национального продукта на 17—20 процентов ежегодно. А что у нас? Шесть процентов. Где выход? Я лично выход вижу в первостепенном развитии

горнодобывающей промышленности, в разведке и вывозе ценных полезных ископаемых. А посему — разведка недр в первую очередь!

Спустя три месяца геологоразведочная партия — советские геологи! — обнаружила неподалеку от побережья массивные залежи урановой руды с высоким содержанием металла.

— Можно предположить, — сказал капитан Саадалла директору службы национальной безопасности, — что Ранниг прибыл в Угань как агент западногерманских атомщиков. Поверь, старина, моему нюху: западные немцы помешаны на реванше и рвутся к ядерной дубинке! Раньше, понимаешь ли, чуть что — говорили: ищите женщину. Теперь же надо при любой политической интриге прежде всего иметь в виду урановое сырье, особенно если дело касается западных немцев! То, что он из ЮАР, ничего не меняет. Все тамошние немцы связаны с Бонном, а то и прямо с БНД¹. Реваншисты, оловцы, зеленые беретцы — эту публику я изучил.

— Не уверен! — возразил Нкомо. — Скорее всего визит к нам господина Раннига непосредственно связан со взрывом на вилле. Хотя пока что доказательств у меня никаких нет. Не исключено, однако, что эта тайванка и инженер — члены одной шайки, в которой принято убирать всех исполнителей!

— Да, но мина на вилле взорвалась уже после того, как тайванка стреляла в немца. А потом сама была задушена! — напомнил Крим, потирая рукой звездчатый шрам на щеке, что у него уже вошло в привычку.

— Это ничего не меняет! — ответил Нкомо. — Мы установили, что мина была заложена в ночь с пятницы на субботу, когда на вилле никого не было. Элизабет ведь ночевала в городе у подружки, а Ундлаке — у себя дома.

— Надо тщательно обыскать виллу «Жемчужина», — предложил Крим. — Может быть, эта тайванка — двойной агент. Проверь все ее связи! А мне в всякий случай дай-ка фотографию Раннига, посмотрим, что за птица.

ПОТОМОК РАБА

— К вам там какой-то бара, господин директор! — сказала секретарша-мулатка, пренебрежительно выпятив губы. Она не считала бара, потомков рабов, за полноценных людей.

Директор службы национальной безопасности тоже был несколько удивлен. Он уже собирался уходить. В тропиках полдень — не время для визитов. Обычно в эти часы город уже замирал, придавленный тяжелыми лучами солнца, и ждал очередного дождя.

— Ну что ж,пусти его, что ты стоишь? И можешь идти домой. Вернешься к пяти.

Секретарша повернулась. Сзади на ее кофточке был отпечатан портрет президента. Нкомо рассмеялся. По лицу его разбежались невеселые морщинки. Зад мулатки выпячивался, точно баллон, и, казалось, президент выступает с этого балкона перед народом.

Нкомо сердито взглянул на посетителя.

— Кто ты и что тебе надо? — недовольно спросил Нкомо, пряча бумаги в стол.

— Я Кристофор. Слуга покойной госпожи Чэнь. Я знаю, кто убил господина Тома Ундлаке!

Старик стоял, теребя пуговицы куртки и не отрывая взгляда от директора службы национальной безопасности. Казалось, его внимание привлекало разноцветье орденовских планок на белом кителе Нкомо. Большинство из боевых наград директора заслужил в боях под Тобруком и Эль-Аламейном, где он расстреливал из мелких пушек желтые танки Роммеля. Их было восемнадцать, парней из Уганьи. Уцелел он один. Правительством ее величества щедро оплатило кровь чернокожих бойцов латунными крестами и медалями.

— Так кто, по-твоему, убил господина Ундлаке? — без энтузиазма поинтересовался Нкомо.

За прошедшую неделю ему пришлось выслушать уже до дюжины самых невероятных версий относительно обстоятельств гибели руководителя повстанцев Зомбика; враги и завистники однообразно клеветали друг на друга.

Нкомо стоял перед Кристофором, вопросительно глядя ему в глаза. Они были ровесники и примерно одного роста. В клочковатой бороде слуги серебрились седые волоски. Кристофор шмыгнул перебитым носом и, стараясь не моргать, ответил:

— Это сделала госпожа Чэнь!

— Садись. Рассказывай.

Нкомо коленкой включил кнопку диктофона.

— Я слушаю тебя.

В языке гани, наиболее распространенном в Уганьи и, наряду с английским, официальном языке страны, нет формы множественного числа в обращении друг к другу; но обращение на «ты» может иметь различные оттенки, в зависимости от того, к кому обращаются — к старшему или младшему по возрасту или положению, к равному ли себе, или к женщине, или к несмышленому ребенку; существует до двенадцати самостоятельных форм. Обычно чем больше аффиксов в слове «ты», тем уважительнее характер обращения.

Говоря с Кристофором, директор службы национальной безопасности перешел с формы «иу» на «ианау», подняв тем самым статус собеседника на целых две иерархические ступени, почти сравняв его с рангом младшего брата. «Ианареу-нао» — так обращался Кристофор к полковнику, что означало высшую форму уважения в обращении к разумному существу; так величают на языке гани отца, если он имеет много детей, или бога.

— Так говори же, я слушаю тебя! — повторил Нкомо.

И, поняв по уважительному обращению к себе начальника службы безопасности, что тот склонен верить ему и готов внимательно выслушать, Кристофор заговорил:

— Вечером я вошел в дом с черного хода и слышу: господин Клаус — он приходил к ней в дом — говорит с кем-то по телефону. Слышу, говорит: «Эта тайваньская шлюха работает против вас, я ее раскусил! Они намерены убить Ундлаке. Операция намечена на сегодня». Он так сказал, сэр!

— Что он еще говорил? Вспомни, пожалуйста!

— Я все помню, господин полковник! У меня хорошая память, пусть я старый! «Мне, — говорит, — больше некогда этим заниматься. В четверг я должен быть в Тананариве. А когда вернусь, приберу к рукам всю эту шайку. А ты пока тут присматривай за ними». Вот и все, господин полковник!

¹ БНД — разведывательная служба ФРТ.

Словно в детской головоломке, которая долго не получалась, найден был наконец единственный требуемый прием, и все встало на свое место. Не хватало только имени.

— А ты не понял, с кем он разговаривает? — спросил Нкомо для очистки совести. — Имени он не называл?

И получил ожидаемый ответ.

— Нет, сэр!

— Господин полковник! Вот еще что...

Лицо Кристофора вновь осветилось смущенной улыбкой.

— Господин Клаус спросил: «Ты не узнал, с кем связан их казначей?»

— Это все?

— Все, сэр! Потом он сказал: «Ну, ладно, я из него сам это выбью!» — и повесил трубку.

— А ты пошел мыть руки?

— Да, сэр! Но сначала я тихонько вышел, а потом постучался и вошел опять. Господин Клаус уже ни с кем не разговаривал, а я стал готовить ужин. Он даже не поздоровался со мной.

— Ну хорошо. А почему ты сразу же не пошел в полицию? Или ко мне?

— О, Кристофор — старый глупый бара! — В голосе звенело неподдельное отчаяние. Тыльной стороной кисти, узловатой, сморщенной, словно корневище, слуга вытер нос. — Старый дурак испугался, что ему не поверят, и решил сам предупредить господина Тома Ундлаке. Я его ждал на дороге, а он не остановил машину! И вот все, сэр, он мертв!

— Ну хорошо, Кристофор. Пойди пока, посиди там в приемной. Только открой дверь, чтобы я тебя видел!

Нкомо выключил диктофон и вызвал коммутатора.

— Мисс, соедини-ка меня с квартирой майора Гвала! — приказал он. И, получив связь, сказал в трубку:

— Гвала? Говорит Нкомо. Хочу тебя видеть! Да, немедленно. Жду через полчаса.

Нкомо повесил трубку и, вдев в ухо наушник, прослушал диктофонную запись, затем взял чистый лист бумаги и стал вычерчивать схему, где некоторые части были отмечены им как неизвестные члены алгебраического уравнения.

Ранниг прибыл в Ухурутаун шестого января, в понедельник. Во вторник утром он звонил в консульство ЮАР — кому? Не имеет значения. Известно, что в консульство. До встречи с Чэнь Чжи-юнь у него не было ни с кем никаких серьезных бросающихся в глаза контактов.

В тот же день Ранниг отправляется на развалины Мибвабве, где сталкивается с Чэнь при весьма романтических обстоятельствах. Кто были тайванцы в синем автомобиле? Почему они преследовали переводчицу? Икс и Игрек. Их личность надо и можно определить.

«Вызвать и снова допросить владельца такси 45-91», — записал Нкомо, шевеля губами. Возможно, таксист запомнил номер синего лимузина. Или марку. Странно только, почему Гвала, допрашивая водителя такси, не обратил внимания на это обстоятельство! Непростительная оплошность. А?

Вечером во вторник Ранниг встречается с Чэнь в баре «Ухурухилтон». Бармен подтвердил: он хорошо помнит тот вечер.

— Кристофор! — окликнул Нкомо. — Этот Ранниг, он что, каждый день ночевал на вилле «Жемчужина»?

— О, я не знаю, сэр! Нет, не могу точно сказать! Я ведь приходил работать на виллу только днем. Но он часто бывал там. Да и не только он, знаете ли, сэр!

В приемную вошел Гвала, переваливаясь на толстых ногах, словно такса; он был в шортах и белых гольфах. Голову прикрывал тропический шлем с полицейской кокардой.

Нкомо встал, повернул рычажок акклиматизатора на «оч. холодно»; потом вернулся к столу и протянул начальнику отдела сыска бусину наушника. Включил звук. Морщинистое бушменское лицо майора вдруг потемнело и стало сердитым и напряженным. Время от времени майор взглядывал на Кристофора, который виновато переминался с ноги на ногу, не решаясь ни войти в комнату, ни присесть на табурет Джэн. Окончив слушать пленку, Гвала вынул наушник из уха, выключил диктофон и вызывающе посмотрел на шефа.

— Ну, и что ты об этом думаешь? — спросил Нкомо, употребляя форму «ианареу» — для равных по возрасту или положению; очень вежливую при обращении к младшему по званию. — Может быть, у тебя есть к нему вопросы?

— Да, разумеется, есть! Поди-ка сюда! Сколько тебе лет?

— Пятьдесят семь, сэр.

— Значит, ты уже почтенный человек, тебе стыдно говорить неправду, а?

— Я никогда не вру, сэр.

— Тогда скажи, за что тебя выгнали Роджерсы? Я ведь тебя знаю, Кристофор.

— У меня тогда умер сын, господин майор. Ну вот я...

Гвала продолжал атаковать.

— Хорошо. А что ты делал в гараже?

— Убирал, господин майор.

Кристофор отвечал, не поднимая глаз, шевеля пальцами босых ног. Желтая пыль припудрила черную кожу, густо осела на отворотах джинсов.

— А где ты надрался? Ведь это была суббота. Прямо в гараже? Вылакал водку госпожи Чэнь? Небось, за этим лишь и отправился в гараж?

Нкомо с благодарностью взглянул на коллегу. Допрашивая старика, Нкомо забыл у него спросить число и день недели, когда имел место телефонный разговор Клауса с неведомым Альфа; упущение непростительное.

— А где ты был весь следующий день? — спросил Нкомо. И для себя уточнил: ведь это было накануне убийства Чэнь.

Кристофор облизал языком шершавые губы.

— В воскресенье и понедельник у меня выходной. В эти дни я не работаю на вилле, сэр.

Какое-то смутное беспокойство все-таки не оставляло директора службы национальной безопасности. Как будто увидел он что-то мгновенно, и это что-то вдруг тут же исчезло, оставив после себя лишь неясное ощущение тревоги.

— Так вот что я тебе скажу, старый пьяница! — Гвала потряс кулаком перед носом Кристофора. — Запомни раз и навсегда, если хочешь остаться в живых: ты был пьян, тебе все показалось, понял? А еще лучше — ты ничего не слышал! И поостерегись клеветать на почтенных европейцев, дурак, не то мы тебя засадим за решетку!

Нкомо сказал:

— Ну вот что, Кристофор, мы не будем тебя наказывать за все эти выдумки, тебе, наверное,

и впрямь все почудилось спяну. Но упаси бог, если ты кому-нибудь еще станешь об этом болтать! Я упрячу тебя в тюрьму до конца дней твоих!

И внезапно полковника охватило чувство облегчения, он понял, что беспокоило его: Клаус Ранниг говорил с кем-то о Чэнь Чжи-юнь действительно в прошлую субботу. Но откуда мог знать об этом майор Гвала?

СЮРПРИЗЫ ВИЛЛЫ «ЖЕМЧУЖИНА»

Нкомо выскочил из «лендровера», распахнул дверь гаража. Эти стены, огнетушитель, ящик с инструментами, бутылки с маслом, два бачка с бензином, наконец, стандартный ярко-красный «Фиат», даже кучка ветоши — они все видели, все знают, только не могут сказать, кто были те, которые стояли здесь справа и слева, потом набросились на девушку, задушили ее и затолкали в багажник автомашины. Нкомо почему-то был уверен, что убийц было двое.

При осмотре места преступления ему всегда казалось, что все предметы, которые присутствовали при совершении злодеяния, готовы немедленно выложить все о преступнике, чтобы не стать соучастниками; предметы, вещи следует лишь умело расспросить. В этом, считал Нкомо, и состояло высшее искусство сыска — найти ключ к языку немых вещей.

Однажды, когда Нкомо еще только начинал стажироваться в Скотланд-Ярде, ему было поручено расследовать весьма таинственное преступление. Собственно, таинственность его состояла в кажущейся необъяснимости. Это дело и выдвинуло молодого чернокожего юриста из колониальной Уганьи в ряд тех способных к самостоятельной творческой работе следователей, которые могли претендовать у себя на родине хотя бы на средние руководящие посты. Дело обстояло так. Восемнадцатый, но не последний этаж многоквартирного дома с коридорной системой. У каждого лифта дежурит лифтерша, она же — этажная консьержка. Этаж состоял из однокомнатных квартир для одиночек. Каждый вечер из лифта примерно в 18 часов выходил молодой джентльмен (футляр с флейтой в руках, цветы, коробка конфет или бутылка вина) и направлялся в квартиру 1826; она помещалась на расстоянии тридцати пяти метров от лифта; ее занимала девушка лет двадцати, пианистка. Молодые люди встречались регулярно около года; из-за дверей квартиры 1826 обычно доносилось приятное пение, сопровождаемое игрой на пианино или флейте — молодые люди музицировали. Около полуночи — минут за пятнадцать — Ромео покидал свою Джульетту и спускался вниз на лифте. Лифтерша рассказывает, что в тот раз Ромео вышел из квартиры 1826 как обычно, без четверти двенадцать, что-то еще сказал Джульетте через дверь, которая хлопнула за ним, щелкнув замком; затем он направился к лифту, спросил у лифтерши, не устала ли она. Поговорили минуты четыре-пять. Из квартиры 1826 доносилось пение Джульетты. Внезапно оно превратилось пронзительным воплем.

Взломав дверь, полиция обнаружила Джульетту, которую, собственно, звали Кэт, лежащей навзничь у пианино с продолженным черепом. Вбежали, конечно, все вместе — трое полицейских, тетушка Глория и Ромео (его звали просто Джек). Рядом с Кэт лежало орудие убийства,

обычный плотницкий молоток. Не было только убийцы. Спуститься вниз из окна восемнадцатого этажа он не мог, да и окно было прочно заперто изнутри на все засовы; дверь также была зашелкнута. Никакой механики в пианино, которая могла бы сама вдруг привести в действие убийцу-молоток, не обнаружили. В квартиру 1826, разумеется, никто после выхода из нее Джека не мог войти или выйти оттуда незамеченным; старая Глория видела, как Джек выходил от своей милашки, и никого более (как и он сам, естественно) не заметила. Мистика, да и только!

Эксперт установил, что удар был нанесен сзади черевком примерно одного роста со злополучным Джеком. Естественно, что по логике вещей подозрение сразу же пало на него, хотя алиби музыканта казалось безупречным. Просто было некого больше подозревать, кроме сил потусторонних. Хотя Англия — страна христианская, в Скотланд-Ярде в чертей не верят. Тем более, что Кэт оказалась на пятом месяце беременности, а Джек утверждал, будто чувства его к невесте не выходили за рамки платонических отношений.

Инспектор-ирландец, которому вначале поручили «дело об убийстве без убийцы», несмотря на природное упрямство, скоро пал Духом и под предлогом болезни спихнул все на Нкомо. Выбор был — или отставка, или успех. Отставка означала бы возврат к должности сельского учителя где-нибудь в джунглях, в богом и дьяволом забытой деревушке или амплуа грузчика в лондонском порту. Иной доли черный интеллигент не мог примыслить себе в мрачные 50-е годы. Нкомо стиснул зубы. Он оставил в покое людей; и замученную допросами лифтершу, и безутешного в своем горе, раздавленного тяжестью подозрений Джека; он на несколько дней буквально переселился в злополучную квартиру 1826. Стал изучать вещи — они-то знали тайну. И нашел. Как-то он принялся прослушивать на проигрывателе все грампластинки, обнаруженные в обители музыкальных голубков. И вдруг одна из них с пестро-бордовой этикеткой пусто зашипела, затем запел голос Кэт, и раздался пронзительный женский вопль.

Нкомо привел в квартиру 1826 лже-Ромео, дал ему прослушать диск и тут же надел наручники.

История, впрочем, обычная: новая связь с богатой, бедная и беременная любовница на руках, угроза разоблачения. О музыкальном сюрпризе, разгаданном безвестным дотоле чернокожим стажером, писали газеты всего цивилизованного мира.

Сюрпризов ждал Нкомо и на вилле «Жемчужина»; неудачный обыск, проделанный здесь майором Гвала сразу же, по горячим следам, лишь раззадоривал старого сыщика.

К вилле от гаража вела дорожка, посыпанная толченым желтым кирпичом. Около крыльца (бетонная плита, сверху — пластиковый козырек от дождя) полковника ждал старший следователь Пьер Окалово. Нкомо вошел в переднюю; стойка для обуви, сизалевый коврик, слева на стене плащ, старая дамская сумочка и ракетки для бадминтона; справа двери ванной и туалета. Директор управления национальной безопасности мельком заглянул туда.

— Проверь все эти склянки! — бросил он Пьеру. — Заодно осмотри и кухню.

Нкомо прошел в спальню, подошел к кровати, достал толстый, со многими лезвиями, складной

нож, вытащил лезвие с отверткой и стал разбирать телефон. Сняв нижнюю крышку, он прищелкнул: от входной колодки под общий шнур отходила дополнительная проводка. Теперь следовало определить место, где она выводилась на магнитофон, и прослушать пленку с записью. Зная по опыту, что удача никогда не приходит легко и просто, Нкомо не ожидал столь быстрого успеха; и предчувствие не обмануло — магнитофон, спрятанный в серванте, был пуст. Еще несколько часов напряженных поисков — и кассета нашлась...

* * *

...Кlaus лишь молча облизывал пересохшие серые губы. После операции он очень ослаб. Скулы заострились, а розовая гладкая кожа потускнела и одрябляла. Мысли путались.

— Вам трудно говорить, — сказал Нкомо. — Я понимаю. Но положение очень серьезное. Слушайте меня внимательно. У нас есть все основания полагать, что вы не тот, за кого себя выдаете. Больше того. Мы получили из Европы сведения, что вы, господин Ранниг, не только инженер. Вы специальный агент Управления национальной безопасности ЮАР и имеете чин капитана. Ваш отец, Герберт Ранниг в прошлом один из приближенных людей Кальтенбруннера, является сейчас заместителем генерала Ван ден Берга, в руках которого сосредоточен контроль над всеми разведывательными службами ЮАР. Полковник Ранниг лично встречал руководителя западногерманских неонацистов Адольфа фон Таддена во время его визита в Южную Африку, что позволяет предполагать наличие тесных связей вашей семьи с Национал-демократической партией ФРГ. Наконец, лично вы, Klaus Ранниг, неоднократно выезжали в Европу и совершили ряд уголовно наказуемых деяний против Чехословакии и Венгерской Народной Республики. Напомню вам, что с Чехословацкой Республикой наша страна имеет соглашение о выдаче уголовных преступников.

— Может быть, он не слышит? — спросил Окалово на языке кунг.

— Он все прекрасно слышит! — возразил Нкомо по-английски. — И скажет нам всю правду, если только он не фанатик и не фаталист!

Но Ранниг не был фаталистом; таким не место в разведке. На девяносто процентов успех операции зависит от самого разведчика, его способностей, таланта, можно сказать (а бесталанному, ординарному бюргеру нечего и мечтать о должности спецагента!). От образования, подготовки, силы воли, выдержки, сообразительности, физических, в том числе и внешних, данных и многого еще прочего, а только потом — от счастливого или неудачного стечения обстоятельств.

Спецагент — не гастролер-наемник; каждая миссия его разрабатывается мозговым центром Управления национальной безопасности в Претории. Делается все необходимое для того, чтобы агент (дорогостоящий человеческий механизм) чувствовал себя уверенно в эксплуатации, надежно опираясь на избыточный запас прочности. Чтобы уцелел. И возместил с лихвой вложенный капитал.

Вот почему миссия специального агента — всегда событие, которое по значению можно сравнить с засылкой в тыл противника крупной диверсионной группы, долженствующей круто изменить

ход боевой операции. Специальный агент в случае удачливости может рассчитывать даже на пост заместителя начальника отдела в Управлении безопасности — годам так к пятидесяти, если, разумеется, доживет до этих лет. Во всяком случае конкуренции можно не опасаться; Ранниг знал, что в среднем активный период деятельности специального агента не превышает десяти лет. По летальности карьера спецагента стоит на третьем месте после профессиональных автомотогонщиков и летчиков-испытателей. Смертность — тридцать процентов.

Зато при обычном раскладе карт, означавшем легкую инвалидность или недолгую отсидку в зарубежной тюрьме по обвинению в шпионаже, амплуа специального агента позволяет прожить остаток дней беззаботным владельцем миллионного счета в солидном банке. С орденом в петлице. Почет и уважение соседей. Можно спокойно выращивать розы. Можно стать рыболовом. Можно разводить собак. Поздно создавать семью. Любая профессия имеет свои плюсы и минусы, как и все в этом мире.

— Мне известно, — продолжал Нкомо, — что чехи обвиняют вас в убийстве двух работников государственной безопасности и организации вооруженных провокаций в стране в августе — сентябре 1968 года. У меня же есть основания подозревать вас в убийстве лидера Партии освобождения Зомбика и ведении подрывной работы против правительства Уганьи. Это следует из вашего телефонного разговора, который слышал слуга Чэнь Чжи-юнь Кристофор. А она записала этот разговор на пленку, к телефону был подключен магнитофон.

«Вот оно в чем дело! — подумал Ранниг и открыл глаза. — Ей было все известно. Стало быть, я заслужил пулю. Сам виноват».

— Я звонил своему другу, давнишнему агенту ЦРУ, послу Тайваня в Уганьи, — негромко сказал Klaus Ранниг. — Покушение на Ундлаке совершила группа Чэнь Чжи-юнь. Мне сообщили об этом ваш же сотрудник, майор Гвала. Я заплатил ему за это десять тысяч шиллингов. Он решил купить себе доходный дом. Чанкайшисты ему платили слишком мало. Я имел задание прибрать к рукам всю их шайку, да вот...

Ранниг показал глазами на бинты.

— Вытри ему лицо! — попросил Нкомо, обращаясь к Окалово.

— Спасибо! — поблагодарил Ранниг. — Но это не главное. Я могу сообщить вам данные исключительной важности. Мое условие — вы предоставляете мне возможность беспрепятственно покинуть Уганьи. Предлагаю честную сделку: моя жизнь — за жизнь миллиона трехсот тысяч африканцев. Дело касается газовой диверсии в Транскее под кодовым названием «Циклон».

— Не пойдет! — возразил Нкомо. — Я могу лишь гарантировать вам объективное изложение обстоятельств дела президенту республики. Вопрос о вашей передаче государственным органам Чехословакии будет решаться на высшем уровне. Ваше искреннее признание, как говорят в таких случаях, облегчит вашу участь, Ранниг. Впрочем, иного выхода у вас нет.

И, не дожидаясь ответа, Нкомо приказал:

— Окалово, друг! Распорядись, пожалуйста, об аресте бывшего майора Гвала.

(Окончание следует)